

Чжан Бин был взят под стражу Янь-ваном, после чего Се Гуй дерзко собрал все пекинские войска гарнизона и поднял мятеж.

Императорский двор ещё не утвердил официальные документы по этому вопросу, поэтому наступил самый напряжённый момент. Любой опытный политик знал, что нужно потянуть время, и лишь затем нанести ответный удар. Однако, вопреки всеобщим ожиданиям, Се Гуй поднял восстание именно сейчас.

Чжу Ди выехал за город произвести осмотр войск, и Сюй Вэнь, столкнувшись с неожиданным ходом Се Гуя, оказалась совершенно неподготовленной.

Пекин был охвачен морем пламени. В хаосе Чжан Бина отбили императорские войска, и, пользуясь численным превосходством, они под его командованием немедленно захватили городские ворота.

К счастью, это было лишь временно. Сюй Вэнь быстро пришла в себя и приказала Тоба Фэну вступить в сражение. Тот, несмотря на голод, во главе отряда из около ста личных телохранителей прорвался через вражеские ряды, прокладывая кровавую дорогу.

Напряжение у ворот княжеской резиденции мгновенно ослабло. Остались лишь несколько десятков упорно сопротивляющихся солдат пекинского гарнизона.

Сюй Вэнь лично села на коня и выехала за ворота резиденции, отдав приказ:

— В погоню!

Краем глаза она заметила Чжу Цюаня, стоящего на усадебной ограде.

Пользуясь своими навыками цингуна, Чжу Цюань перебрался через стену, чтобы прийти на подмогу, и теперь он стоял на вершине ограды резиденции высотой в один чжан, спокойный и беззаботный. Одной рукой помахивая веером, а другую заложив за спину, он глазел по сторонам.

Сюй Вэнь рассердилась:

— Схватите того парня, который ест, но не работает!

Тут же несколько телохранителей бросились за лестницей. Чжу Цюань громко запричитал в ответ:

— Невестка и сама может расправиться с этими мелкими сошками, зачем вмешиваться младшему брату?

Сюй Вэнь усмехнулась:

— А где твой зять... то есть твой четвертый брат? Хватит нести чепуху.

Чжу Цюань несколько раз прыгнул. Его тело, извиваясь словно рыба, ускользало от почти десятка пытавшихся схватить его людей. Сюй Вэнь взмахнула девятизвенной железной плетью, и оружие со свистом мелькнуло прямо перед его лицом.

Чжу Цюань, увернувшись, улыбнулся:

— Достаньте спрятанные в резиденции ружья, выдайте каждому по одному, и разгромим логово этого негодяя Се Гуя.

Сюй Вэнь нахмурилась и строго сказала:

— Нельзя. Ты только ставишь палки в колеса! Мы не можем сейчас использовать огнестрельное оружие.

Чжу Цюань вскочил на свободную лошадь и, взглянув вдаль, увидел, как Тоба Фэн, словно тигр, ворвавшийся в баранье стадо, обратил солдат пекинского гарнизона в бегство. Тогда он добавил:

— Раз мы не можем быстро остановить уличные бои, нужно сделать ложную атаку. Фэн-эр храбр, и в уличных боях он, пожалуй, непобедим. Пошли со мной штурмовать городские ворота? Ударим с обеих сторон.

Сюй Вэнь подняла бровь и сказала:

— Именно этих слов я и ждала. Возьми с собой того здоровяка и ещё двести человек. Вернись к городским воротам, убей караульных ипусти своего зятя.

Чжу Цюань ещё некоторое время понаблюдал и с сомнением спросил:

— Этот мальчишка управляет мечом с помощью ци? Почему он так силен?

Чжу Цюань не знал, что дело было не в силе Тоба Фэна, а в мощи деревянного меча «Семь звезд» в его руках. Этот маленький клинок весил более сорока цзиней, но в ладони ощущался невесомым. Противники, не успев даже посмеяться над тем, как можно сражаться деревянным мечом, внезапно сталкивались с силой, не уступающей алебарде. Несколько лёгких тычков, поперечных взмахов и вертикальных ударов оказалось достаточно, чтобы рассечь врагов вместе с их конями и переломать им кости.

Чжу Цюань пару раз торопливо окликнул его, и только тогда Тоба Фэн неохотно развернулся, покинул поле боя и подошёл к нему.

Чжу Цюань стал его отчитывать:

— Если ты командир, как можно не слушать военные приказы? Впредь тебе придётся исправить свой дурной нрав.

Тоба Фэн гневно уставился на Чжу Цюаня.

Сюй Вэнь поспешно, с заискивающей улыбкой проговорила:

— Фэн-эр, иди впусти своего названного отца в город, будь послушным.

На этот раз, столкнувшись с контратакой княжеской резиденции, Се Гуй громко взвыл, сетуя на то, что даже женщина может быть такой ужасающей. Десятитысячная армия Пекина не могла сдержать восемьсот стражников резиденции, и их рубили как капусту. Было убито уже больше тысячи человек. В душе он понимал, что всё кончено, и жалел, что вообще спровоцировал эту тигрицу. Внезапно натиск ослаб, но этот глупец ещё не знал, что Сюй Вэнь разделила силы на два направления. Он лишь безостановочно подгонял авангард вернуться на подмогу, считая спасение жизни господина военного советника и его семьи первостепенной задачей.

— Возвращайтесь! Все назад! — распорядился Се Гуй. — Окружите резиденцию военного советника! Не впускайте ни одной собаки из княжеского дома!

И всё произошло именно так, как предвидела тигрица. Сюй Вэнь, подбоченясь, усмехнулась:

— Так и знала, что струсит. Передайте приказ: на другие места не обращаем внимания, всем выйти в город и разбить там лагерь!

Чжан Бин, в свою очередь, прочно удерживал с войсками городские ворота. Он заранее договорился с Се Гуем о том, что как только схватят Сюй Вэнь, они сразу выведут на городскую стену семью Чжу Ди, чтобы заставить того отвести войска, и выпустят сигнальный огонь для координации друг с другом. Однако Чжу Ди всё бешено наступал и несколько раз едва не прорвался за ворота. Бойцы караула Дояня были особенно умелы и храбры. Они пускали залпы стрел, и лучники на стене, прицеливающиеся с высоты, падали один за другим.

Видя, что боевой дух войск падает, а Се Гуй до сих пор не добился успеха, Чжан Бин в отчаянии рвал на себе бороду и брови, крича:

— Скорее поезжайте к господину Се и узнайте, в чём дело!

Только ускакал гонец, как сразу же раздались счастливые возгласы:

— Идут, идут! Подкрепление от господина Се идёт, ту суку схватили!

В мгновение ока сердце Чжан Бина наполнилось радостью. Победа уже манила его рукой. Стоило лишь заставить Чжу Ди бежать с позором, чтобы он больше не смел нападать на Пекин, а затем быстро выслать разведчиков с приказом городам на юге усилить охрану, и Чжу Ди превратился бы в бездомного пса, лишённого логова.

У Чжан Бина всё же был некоторый талант в военном искусстве.

В тот момент, когда комиссар по гражданским и финансовым делам уже в мыслях кивал головой, приветствуя свои достижения, он увидел, как к воротам приближается отряд пекинских солдат численностью почти в двести человек. На их одежде виднелись следы крови, и они вели под конвоем «ту суку».

«Та сука» была в лиловой длинной юбке и с растрёпанными волосами. Её тело болталось на плече у высокого крепкого мужчины. Чжан Бин мельком взглянул и увидел её алые, как огонь, губы, острый и нежный подбородок, а также половину обнажённой белой руки с нежной кожей. Несомненно, это была женщина.

Лицо мужчины покрывали пятна крови — очевидно, славные следы, оставшиеся после проявленной им в бою доблести. Он повернул женщину задом к Чжан Бину и остановился.

Чжан Бин едва сдержал порыв шлёпнуть Сюй Вэнь по заднице и громко похвалил:

— Молодец! Как тебя зовут? Быстро иди за мной!

Мужчина протянул руку и потер большой палец об указательный и средний в сторону Чжан Бина.

«...»

Чжан Бин в изумлении спросил:

— Сколько?! Ещё и награды хочешь?!

Красивое лицо мужчины было покрыто сажей и кровью. Чжан Биню показалось, что перед ним кто-то очень знакомый, но он не мог сказать, кто именно.

Мужчина мрачно ответил:

— Пять лянов.

Чжан Бин тут же пришёл в ярость и закричал:

— Из какого ты отряда?! Служа родине, требуешь награду?!

Высокий мужчина оставался невозмутим:

— Это рыночная цена.

Чжан Бин впервые в жизни с таким столкнулся и готов был броситься на этого солдата, рискуя жизнью. Однако храбрец был непоколебим, как гора, и у него не хватило бы сил, чтобы с ним справиться. Вдруг он увидел, как «та сука» на плече смельчака слабо зашевелилась и сладостно простонала.

Храбрец прищурился и выпалил:

— Она... сейчас... проснётся...

Чжан Бин подсознательно полез рукой в карман за деньгами, боясь, что если Сюй Вэнь очнётся, даже десять человек не смогут её побороть. Дрожая от страха, он достал банкноту в десять лянов и протянул ему.

— Быстрее! За мной! — Чжан Бин увидел, что мужчина, получив банкноту, сунул ее себе за пазуху и стал копошиться, занимаясь непонятно чем. Медлить было нельзя, и он торопливо гаркнул: — Что ты делаешь!? Поднимайся на стену!

Чжан Бин произнес:

— Прекратите стрельбу из луков и сначала послушайте, что скажет этот старик!

После чего он с нетерпением спросил:

— Что ещё?!

Мужчина равнодушно ответил:

— У меня нет сдачи, напишу тебе долговую расписку.

На лбу у Чжан Бина вздулись вены, и он разгневанно заорал:

— Хватит об этом, тащи Ванфэй наверх!

После ночи ожесточённых боёв обе армии и их лошади были измотаны до предела. Высоко взошло утреннее солнце, факелы на равнине один за другим погасли, и сильный пожар в Пекине пошёл на убыль.

Чжу Ди дал волю своей хулиганской натуре. Одной рукой сжимая кнут и указывая им на вершину городской стены, он прямо перед лицом десятков тысяч людей начал неистово изливать потоки брани.

Князь-хулиган обладал поистине впечатляющим даром сквернословия, и для слушающих воинов из караула Дояня это звучало как нечто достойное восхищения. Все они восторгались тем, насколько же богат и многогранен китайский язык, раз позволяет облить грязью все восемнадцать поколений предков Чжан Бина.

Чжан Бин оставался невозмутим. Утренние лучи солнца падали на его морщинистое увядшее лицо, озаряя этого мудрого, будто буддийского святого, старца сияющим золотым светом.

— Янь-ван, сложи оружие и выслушай меня, — низким голосом заявил он. — Твоя семья уже в моих руках...

Глаза Чжу Ди забегали, пытаясь разглядеть фигуры стражников позади Чжан Бина.

— Неужели... — прошептал Чжу Ди. — Фэн-эр?

«Ванфэй», лежавшая на плече Тоба Фэна была повернута задом к внешней стороне города. Скрестив обе ноги, она качала ими вверх-вниз.

Чжу Ди мгновенно всё понял и тут же взревел:

— Все вместе вперёд! Готовьтесь отомстить за Ванфэй!

«...»

Чжан Бин слегка опешил. Он не ожидал, что Чжу Ди окажется настолько отчаянным, и поспешно крикнул:

— Поверни её!

Тоба Фэн развернулся, чтобы «Ванфэй» оказалась головой к внешней стороне города.

Чжан Бин протянул руку, собираясь схватить её за волосы и заставить показать лицо, как вдруг перед глазами мелькнула тонкая белая полоса света, и всё вокруг завертелось.

Многотысячная армия мгновенно в один голос вскрикнула!

Подставная Ванфэй — настоящий Чжу Цюань — грациозно приземлился. В его руке с лёгким шелестом раскрылся веер со стальным лезвием, и он изящным движением взмахнул им. Голова Чжан Бина отделилась от тела. Из шеи хлынула кровь, и его седая голова, оставляя кровавый след, улетела за пределы города.

Твёрдо стоя на земле, Чжу Цюань развернул веер и помахал им, с улыбкой обращаясь к Тоба Фэну:

— Эта вещица называется веером Муюнь*.

* Муюнь (暮云) — «закатные облака».

Тоба Фэн сделал жест, будто поддерживает свою грудь. Только тогда Чжу Цюань спохватился и поспешно повернулся, вытряхнув из-под одежды две большие паровые булочки.

— Ха-ха-ха-ха! — Чжу Ди покатился со смеху, но внезапно перестал смеяться и крикнул: — Открывайте ворота в город! Посмотрим, кто в мире ещё способен остановить этого князя!

Двадцать седьмого числа четвертого месяца, в первом году правления под девизом Цзяньвэнь Сюй Вэнь намеренно отпустила Се Гуя, позволив тому в панике бежать из Пекина.

Порыв холодного ветра ворвался в императорский кабинет, принеся с собой влажный весенний воздух, и лежащие на столе докладные записки зашелестели.

— Юнь-гэ-эр, двух моих двоюродных братьев забрали, — сказал Чжу Юньвэнь.

Юньци равнодушно ответил:

— Знаю.

Юньвэнь нахмурился:

— Откуда?

Юньци продолжил:

— Мой ши-гэ был здесь, мы даже виделись. Спроси у Хуянь Кэ.

С этими словами Юньци перевёл взгляд на командира стражи Полуденных ворот, стоявшего на коленях неподалёку. Тот опустил голову, и было непонятно, какое у него выражение лица. Чжу Юньвэнь разгневанно воскликнул:

— Хуянь Кэ!

Юньци спокойно произнес:

— Личные обиды — пустяки, Ваше Величество. У командира Хуяня тоже не оставалось выбора. Когда он заметил, что братья Чжу исчезли, он первым делом пришёл охранять меня. Это тоже можно считать исполнением долга.

Одной фразой он легко снял вину с Хуянь Кэ. Тот принялся кланяться, ударяясь головой о землю, словно толлок чеснок в ступе:

— Ваше Величество, ваш слуга... ваш слуга, увидев, что двое сыновей Янь-вана сбежали, сразу понял, что дело плохо, и поспешил проверить императорскую тюрьму, но, к своему удивлению, встретил бывшего командира Цзиньвэй Тоба Фэна. Ваш слуга...

Юньци подхватил:

— Мой ши-гэ — знаток грязных приемов. Командир Хуянь не привык сражаться с теми, кто использует яды и коварные уловки, Ваше Величество тоже это знает.

Голос Чжу Юньвэня был мягок, но полон ярости:

— Это так, Хуянь Кэ?

Хуянь Кэ поспешно ответил:

— Ваш слуга... ваш слуга не смеет обманывать государя, всё действительно так.

Только тогда Чжу Юньвэнь позволил Хуянь Кэ уйти, и в кабинете остались только Юньци и Чжу Юньвэнь — император и слуга. Чжу Юньвэнь потер виски и устало произнес:

— Почему он не забрал тебя с собой?

Юньци в ответ спросил:

— А ты как думаешь?

Чжу Юньвэнь глубоко вздохнул, склонившись над драконьим столом, и сказал:

— Я ошибся, когда обвинил тебя, Юнь-гэ-эр.

Юньци лишь улыбнулся в ответ. Чжу Юньвэнь прошептал:

— Ты мой человек, и всегда им был.

Юньци сказал:

— Следует говорить «чжэнь», Ваше Величество.

Чжу Юньвэнь опустил голову и после долгого молчания промолвил:

— На самом деле я не хотел становиться императором.

Юньци изменился в лице и ответил:

— О таком нельзя говорить, Ваше Величество.

— Не хотел становиться... — голос Чжу Юньвэня прозвучал из-за рукава приглушённо, в нём слышалась подавленная горечь. — Великий воспитатель хочет управлять мной... советники меня ругают... четвёртый дядя поднял против меня мятеж... Я стал императором, но даже не могу заполнить человека, которого люблю...

Юньци слушал его с бесстрастным лицом, и внезапно в его душе вспыхнула невыразимая ненависть к Чжу Юаньчжану. Его отец, Сюй Да, проливал кровь в жестоких сражениях и завоевал для Великой Мин половину страны, а когда он ушел в отставку по старости, ему преподнесли всего лишь одного приготовленного на пару гуся.

Когда он сам будет уходить на покой, кто знает, что преподнесёт ему Юньвэнь?

И Чжу Ди был точно таким же. Неясно, сколько в его заботе было искренности, а сколько притворства...

Чжу Юньвэнь всё же был слишком молод. Слово юноша, которого вечно обижали, он постоянно испытывал недостаток чувства безопасности.

Юньци с горькой усмешкой вздохнул в душе. Его мысли понеслись, словно сорвавшийся с привязи конь, и тихие всхлипы Чжу Юньвэня унесли его в далёкое прошлое.

Пятнадцатилетний Тоба Фэн лениво полулежал на краю деревянной бочки, его бронзовая кожа покраснела от пара.

Двенадцатилетний Юньци сидел на коленях у Тоба Фэна, сонно выжимая полотенце. Звучал плеск воды, и длинные пальцы Тоба Фэна скользили по его шее, вызывая у неопытного маленького Юньци невыразимое чувство удовольствия.

От горячей воды накатывала дремота. Он положил голову на плечо Тоба Фэна и пробормотал:

— Шинян сказала, что сегодня мой второй брат женится...

— Женится... — Тоба Фэн повторял вслед за маленьким Юньци. Почесав пальцем его щёку, он сказал: — Почему твой брат сам тебе не пишет? Ты ему больше не нужен? Всё же ши-гэ лучше.

Маленький Юньци, находясь в полудрёме, соскользнул и чуть не упал в воду и не захлебнулся. Тоба Фэн поспешно поднял локоть, поддерживая его, и он пробормотал:

— Если ты женишься, то тоже меня бросишь...

Тоба Фэн прошептал:

— Нет, такого не сл-у-у-учится... клянусь... ши-гэ не женится...

Тоба Фэн, приобняв маленького Юньци, не удержался и потянулся рукой к пространству между его ног.

Маленький Юньци всхлипнул. Его лицо покрылось румянцем, и он тяжело вздохнул от неудобства.

— Ши-гэ, что ты делаешь...

— Нельзя... ты ещё слишком мал, — тихо произнес Тоба Фэн на ухо маленькому Юньци. — Подождем, пока ты вырастешь. Ши-гэ не женится.

— Юньвэнь, нельзя вечно оставаться ребёнком. Ты же мужчина, так повзрослей, — шепотом сказал Юньци.

Юньвэнь поднял голову, вытер следы слёз с лица и тяжело вздохнул.

Юньци добавил:

— У настоящих мужчин не увидишь на глазах слёз. Вся страна и императорский двор находятся под твоей защитой. Впредь никогда не плачь перед министрами, понял?

Чжу Юньвэнь кивнул. Юньци поклонился и ушел.

Во дворе Цзиньвэй царила тишина. Похоже, все уже спали. Внезапно Юньци услышал глухой звук, словно кто-то упал с кровати, и, улыбнувшись, направился к одной из комнат внизу.

В той комнате тускло горел свет. Юньци толкнул дверь, вошёл и замер в изумлении, спросив:

— Ту Мин, Сунь Тао! Почему вы ещё не спите в такое время? Что вы делаете?

Ту Мин и Сунь Тао поспешно повернулись, заслоня что-то за спиной, и спросили:

— Юнь-гэ-эр, ты только что вернулся с дежурства?

Юньци с любопытством вытянул шею и увидел, что за спиной двух стражников спрятан мешок.

Юньци, сам не раз проделывавший подобное, сразу понял, что в мешке наверняка человек. Он не знал, смеяться ему или плакать:

— Что вы опять творите? Выпускайте его, выпускайте. Просто проучили, и хватит, а вы ещё и в мешок посадили и бьёте. Какой младший евнух вас обоих снова обидел? Смотрите, завтра из-за вас мне опять влетит.

— Нужно по возможности прощать людей, сколько раз я уже говорил... — Юньци подошёл развязать мешок, но Сунь Тао торопливо остановил его: — Ладно, мы с братом сами отведём его обратно, не утруждай себя!

Юньци подшутил:

— Как это «отведёте обратно»? Наверняка хотите отнести его к озеру Сюань и утопить... Выпускайте его, я сам отведу его в качестве извинения...

Сунь Тао было очень неловко. Он пытался остановить Юньци, но не смог, и пришлось позволить ему развязать мешок.

Из него вывалился человек, весь в крови. Это был Ма Саньбао.

Юньци воскликнул:

— Саньбао?! Как ты здесь оказался? Разве ты не сбежал с моими племянниками?

Ту Мин холодно сказал:

— Жун-гэ-эр сказал, что этот малец вместе с Чжу Гаочи подстроил тебе ловушку. А теперь ещё и совесть нашёл вернуться. Мы хотели, пока тебя нет, забить его до смерти и утопить в пруду...

Юньци пришёл в ярость:

— Это слуга, которого мне прислала старшая сестра. Вы хоть спросили разрешения Лао-цзы? Немедленно выметайтесь!

Саньбао простонал. Став свидетелями гнева Юньци, Ту Мин и Сунь Тао, всё ещё сжимая в руках дубинки, вышли за дверь.

— Саньбао!

Саньбао, избитый до полусмерти, находился в полубессознательном состоянии и уже не мог говорить.

Юньци осмотрел его и, увидев, что раны поверхностные, немного успокоился. Он отнёс Саньбао в свою комнату, уложил на кровать, собственноручно нанёс мазь и накрыл его одеялом.

— След на лице не похож на резаную рану, так сильно опухло... кто же это сделал? — Юньци не удержался от мыслей вслух.

Саньбао закрыл глаза, его дыхание было ровным.

«Ещё одна обуза» — с тоской вздохнул в душе Юньци. Если Чжу Юньвэнь это увидит, то наверняка возникнет очередное недопонимание.

Юньци вышел за дверь, как вдруг раздался слабый голос Саньбао:

— Это Чжу Фэн проучил меня...

Юньци остановился у двери, но не обернулся и только спросил:

— Кто велел тебе возвращаться?

Саньбао ответил:

— Я... виноват перед младшим шурином... Я вернулся, чтобы служить верой и правдой...

Юньци горько усмехнулся:

— Высоко ценю твою заботу*. Отдыхай и залечивай раны.

* □□ — вежл. высоко ценю (вашу заботу, но вынужден отказаться).

Затем он тяжело вздохнул и вышел со двора.

— За что их бить? Все они просто послушные дети... — пробормотал Юньци.

Он даже не мог точно сказать, кому именно соперничает — Чжу Юньвэню или Ма Саньбао.

Брезжил рассвет, но Юньци ничуть не хотелось спать. В тот миг его сердце переполнила тоска по Тоба Фэну.

Юньци стоял за дворцовой стеной, подняв голову к далёкому краю лазурной ночи, где утренняя звезда расцвела серебряным сиянием на другом конце небосвода.

— С Лао-цзы хватит, — серьёзно сказал Юньци.

С того дня командир Цзиньвэй стал ссылаться на болезнь и больше не появлялся на придворных приемах, если только его лично не вызывал император.

Чжу Юньвэнь молчаливо принял его поступок, и правитель со слугой почти перестали видеться.

Однако иногда Юньци всё же приходилось появляться. Впервые он пришёл на аудиенцию три дня спустя, когда поступило первое военное донесение.

Чжу Ди молниеносно покорил четыре провинции и восемнадцать уездов к северу от Пекина, стремясь обеспечить стабильность в тылу.

Чжу Цюань пробыл в Пекине ещё три дня, чтобы навести порядок, а затем с войском выступил из заставы Цзюйюань.

В это же время ко двору поступило срочное военное донесение и объявление Чжу Ди о начале войны, отправленные за восемьсот ли. Янь-ван наконец поднял мятеж.

— «Если при дворе нет верных сановников, непременно следует поднять войска для казни и расправы, дабы очистить окружение государя»? — Чжу Юньвэнь, не в силах поверить, с улыбкой произнёс: — Кто из дорогих сановников готов разделить заботы чжэня?

Хуан Цзычэн невозмутимо сказал:

— Наконец-то взбунтовался.

Юньци прищурился и устремил взгляд на Хуан Цзычэна, ожидая, какую же глупость тот сейчас ляпнет.

И действительно, Хуан Цзычэн заявил:

— У Янь-вана всего двадцать тысяч солдат, Вашему Величеству достаточно отправить в поход двести тысяч. Разве можно опасаться поражения с десятью людьми против одного?

Все гражданские и военные чиновники при дворе, казалось, не имели реального боевого опыта и, услышав эти слова, единогласно принялись ему поддакивать.

С момента основания Великой Мин прошло почти сорок лет, и все заслуженные государственные деятели и опытные полководцы были истреблены Чжу Юаньчжаном. Хуан Цзычэн порекомендовал на пост главнокомандующего для карательного похода против Янь-вана Ли Цзинлуна.

Чжу Юньвэнь на мгновение задумался, но в конце концов почувствовал, что это неправильно. Он лично навестил старого генерана Гэн Бинвэня, которому было почти семьдесят лет. В тот же день он собрал войска и повёл мощную стотысячную армию навстречу двум десяткам тысяч солдат Чжу Цюаня и Чжу Ди.

После окончания дворцового приема Чжу Юньвэнь наконец поднялся и спросил:

— Ты думаешь, чжэнь ошибся?

Юньци спокойно ответил:

— Хотя ваш слуга и не участвовал в реальных сражениях, но всё же изучал военные трактаты. Сегодня он впервые в жизни услышал, что если отправить десять против одного, то победа будет предрешена.

Сюй Вэнь, подперев щёку рукой, водила кистью по карте, томно говоря:

— Вечно жалуешься, что князь и Ванфэй тебя не любят. А теперь прочисти уши и слушай внимательно, Фэн-эр.

Тоба Фэн сидел на корточках у входа в шатёр и уплетал рис, промычав:

— Угу.

Сюй Вэнь отбросила кисть и продолжила:

— Война — в самом деле когда большая группа людей нападает на меньшую. Но вопрос вовсе не в том, у кого больше армия, понимаешь?

Тоба Фэн рассеянно слушал, а Сюй Вэнь продолжила объяснять:

— Южная армия заявляет о том, что у них двести тысяч, но у них от силы наберётся всего сто тысяч. Если эти сто тысяч пойдут в атаку, как думаешь, старик Гэн Бинвэнь разве сможет бросить всех их в бой разом? Если сто тысяч солдат соберутся в одном месте, они рано или поздно задавят друг друга насмерть, не говоря уже о том, чтобы сражаться.

Тоба Фэн палочками выловил из еды кость от куриного бедра и скормил виляющему хвостом псу.

Сюй Вэнь вновь заговорила:

— При прямом столкновении в составе авангарда могут пойти в атаку не более нескольких тысяч человек. Твой зять... язык заплетается, так скучаю по Юньци, что с ума схожу... твой отец должен в кратчайшие сроки собрать больше десяти тысяч человек, большинством подавить меньшинство и по возможности с наименьшими потерями уничтожить его... Эй, ты вообще слушаешь?

Тоба Фэн нетерпеливо буркнул:

— Говори уж.

Сюй Вэнь сказала:

— Понял? У Гэн Бинвэня слишком много людей, да ещё и не личная стража. Управлять ими очень хлопотно. Он не годится даже, чтобы служить разминкой для моего отца, не то что сражаться со мной.

Тоба Фэн вдруг почувствовал, что в последней фразе Сюй Вэнь есть какая-то логическая неувязка. Он подумал, но не нашёл, в чём именно, и махнул рукой, ответив:

— А.

В глазах Сюй Вэнь мелькнул хитрый огонек, и она сказала:

— Чжу Цюань сказал, что у него есть метод получше. Посмотрим, что он сможет сделать.

Однако Чжу Цюань оказался безжалостнее Сюй Вэнь.

Когда Гэн Бинвэнь дошёл до реки Хутохэ, он попал в засаду Чжу Ди, а Чжу Цюань тем временем атаковал противника, затопив их водами из верховья*. Не успев переправиться, Гэн Бинвэнь был застигнут врасплох, потерял больше половины авангарда и, не осмеливаясь продвигаться дальше, отступил на южный берег.

* Тактика отвода воды искусственными средствами с целью затопления местности или противника.

Чжу Ди, в свою очередь, включил в свои ряды тридцать тысяч разбитых вражеских солдат, увеличив армию до пятидесяти тысяч, и двинулся на южный берег.

Когда ко двору вернулось второе военное донесение, все, от чиновников до простых жителей, разразились праведным гневом. Юньци снова пришлось идти на дворцовую аудиенцию и стоять там в наказание.

Он с весёлым видом глядел на Хуан Цзычэна, ожидая, что тот ещё что-нибудь скажет.

И тогда Хуан Цзычэн, оправдывая его ожидания, заявил:

— Ваше Величество, взор Гэн Бинвэнь к старости помутился, ему уже семьдесят лет, как можно позволять ему командовать войсками? Пусть Ли Цзинлун поведёт армию в пятьсот тысяч человек. Снова десять против одного, на этот раз не победить невозможно!

Чжу Юньвэнь больше не бросал на Юньци взгляды с мольбой о помощи. Он долго молчал и наконец произнёс:

— Пусть будет так.

Юньци в душе уже оплакивал Ли Цзинлуна и его подчинённых, как вдруг Чжу Юньвэнь добавил:

— Ты будешь армейским инспектором.

Хуан Цзычэн с изумлением воскликнул:

— Ваше Величество?

Чжу Юньвэнь повернулся и, встретившись взглядом с Юньци, сказал:

— Сюй Юньци, ты будешь армейским инспектором и отправишься в поход вместе с войсками. Чжэнь даёт тебе и Ли Цзинлуну пятьсот тысяч солдат. Они будут разделены на два направления, одно из которых вступит в лобовую схватку с моим четвёртым дядей.

— А второе направление? — спокойно спросил Юньци.

Чжу Юньвэнь мягко произнёс:

— А второе направление двинется на север, чтобы захватить Пекин.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326090>